

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

КНИГИ
ДАВИДА ФОНКИНОСА

Шарлотта
Тайна Анри Пика
В погоне за красотой
Две сестры
Семья как семья

Давид
Фонкинос

СЕМЬЯ
КАК СЕМЬЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Ф 77

David Foenkins
LA FAMILLE MARTIN
Copyright © Éditions GALLIMARD, Paris, 2020
Published by arrangement
with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Ирины Дмоховской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-20862-9

© И. В. Дмоховская, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Ценность случайности равна степени
ее невозможности.

Милан Кундера

1

Мне хотелось писать книгу, но ничего не выходило. Годами я выдумывал разные истории, редко обращаясь к действительности. А сейчас работал над романом о кружках литературного мастерства. Интрига разворачивалась вокруг уик-энда, посвященного словам. Но слов-то я и не находил. Мои персонажи меня не интересовали, просто тошно было от скуки. И я подумал, что любая жизненная история представляла бы больше интереса. Любое невыдуманное существование. Во время встреч с читателями они мне часто говорили: «Вам бы написать про мою жизнь. Она совершенно невероятная!» Наверняка так оно и было. Я мог бы выйти на улицу, остановить первого попавшегося прохожего и попросить рассказать что-нибудь о его жизни. Почти уверен, что это было бы для меня полезнее очередной выдумки. Так и получилось. Я сказал себе: ступай на улицу, заговаривай с первым встречным, и он станет темой твоей книги.

2

На первом этаже моего дома расположено туристическое агентство, и я каждый день миную это странное мрачноватое помещение. Одна из служащих часто курит на улице, не трогаясь с места и глядя в телефон. Иногда мне приходит в голову: интересно, о чем она думает? Я считаю, что у незнакомых тоже есть своя жизнь. Сегодня, выходя из дома, я решил: если она сейчас курит, то станет героиней моего романа.

Но незнакомки на месте не оказалось. А ведь еще чуть-чуть — и я стал бы ее биографом. Тут я заметил на ближайшем переходе пожилую женщину с фиолетовой сумкой на колесиках. То, что надо! Эта женщина еще не знала, что вступила на территорию романа. Вокруг нее развернется сюжет моей новой книги (разумеется, если она согласится). Я мог бы подождать встречи с другим человеком, который бы меня больше привлек или вдохновил. Но нет, это должен быть *первый попавшийся прохожий*. Никакой альтернативы. Я надеялся, что эта умышлен-

СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

ная случайность приведет меня к волнующей истории или к одной из судеб, позволяющих понять, в чем иногда состоит смысл жизни. По правде говоря, я ожидал от этой женщины очень много.

Я подошел к незнакомке, попросил прощения за беспокойство. Я изъяснялся с приторной вежливостью, свойственной тем, кто хочет вам что-то продать. Она, разумеется, удивилась и замедлила шаг. Я сказал, что живу поблизости и что я писатель. Когда останавливаешь человека на улице, надо сразу переходить к сути дела. Говорят, что пожилые люди недоверчивы. Но эта женщина мне сразу же широко улыбнулась. И я решил, что ей можно немедленно изложить мой план.

— Видите ли... Я хотел бы написать книгу о вас.

— Простите?

— Понимаю, такая идея может показаться немного странной... Но это как бы вызов, который я сам себе бросил. Я живу здесь. — (Я показал на свой дом.) — Не хочу входить в подробности, но я решил написать книгу о первом встречном.

— Не понимаю.

— Нельзя ли нам сейчас зайти в кафе, чтобы я вам спокойно все рассказал?

СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

— Прямо сейчас?

— Да.

— Сейчас не могу, мне нужно домой, положить продукты в морозилку.

— Понимаю, — ответил я, подумав, что ситуация приобретает дурацкий оборот. Я было обрадовался, а сейчас, выходит, мне надо писать о том, что нельзя замораживать размороженные продукты. Несколько лет назад я получил престижную премию Ренодо, но в эту минуту у меня по спине побежали мурашки разочарования.

Я сказал, что могу подождать ее в кафе поблизости, но она предложила пойти к ней домой — значит, сразу проявила ко мне доверие. На ее месте я бы никогда так легко не позволил писателю войти в свою квартиру. Особенно писателю, страдающему недостатком вдохновения.

Через несколько минут я уже сидел у нее в гостининой. Она возилась на кухне. Неожиданно я разволновался. Обе мои бабушки умерли много лет назад; я почти забыл, как выглядит жилье стариков. Вокруг обнаружилось столько знакомого: клеенка на столе, громко тикающие настенные часы, фотографии внуков в золоченых рамках. От воспоминаний у меня сжалось сердце.

Моя героиня вернулась с подносом, на котором стояли чашка и вазочка с печеньем. Для себя она ничего не принесла. На всякий случай я немного рассказал о себе, но она и без того ничуть не беспокоилась. Мысль, что я могу оказаться человеком опасным, обманщиком, самозванцем, даже не пришла ей в голову. Позже я ее спросил, почему она сразу мне доверилась. «У вас вид писателя», — ответила она, и я слегка растерялся. По-моему, у большинства писателей вид похотливый или депрессивный. Иногда то и другое сразу. А для этой женщины я, стало быть, выглядел так, как должен выглядеть человек моей профессии.

Мне очень хотелось поскорее узнать сюжет моего нового романа. Кто она? Прежде всего, как ее фамилия?

СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

— Жакет, — сказала она.

— Жакет — как жакет?

— Ну да.

— А имя?

— Мадлен.

Итак, Мадлен Жакет. Я на несколько секунд задумался. Такой фамилии мне бы никогда не придумать. Случается, я неделями ищу имя или фамилию персонажа, потому что твердо убежден: звучание влияет на судьбу. Иногда с их помощью я лучше понимаю определенные характеры. Натали не может вести себя так же, как Сабина. Каждый раз я взвешивал «за» и «против». И вот, без всяких размышлений, я встречаю Мадлен Жакет. Преимущество реальности: выигрываешь время.

Хотя... тут имеется и значительный изъян: отсутствие альтернативы. У меня уже есть роман о бабушке и проблемах старости. Неужели я вынужден опять браться за эту тему? Не очень-то радостно, но ведь ничего не остается, кроме как принять все последствия собственного плана. Какой интерес пытаться обойти реальность? Я подумал-подумал и решил: моя встреча с Мадлен неслучайна. Отношения писателя с выдуманным им же сюжетом — это вроде приговора к пожизненному заключению¹.

¹ Конечно, в десять утра в семнадцатом округе Парижа у меня не было особых шансов встретить танцовщицу гоу-гоу. — *Здесь и далее примеч. автора, кроме оговоренных особо.*

5

Мадлен прожила в этом квартале сорок два года. Может, я уже где-то и сталкивался с ней, однако ее лицо было мне незнакомо. Правда, я поселился здесь сравнительно недавно, но всегда любил подолгу мерить шагами улицы: это помогает мне думать. Я один из тех, для кого процесс создания книги — нечто вроде освоения новой территории.

Мадлен должна была знать истории многих местных жителей. Она видела, как росли дети и умирали взрослые; она должна была помнить, какие новые торговые заведения появились на месте исчезнувшего книжного магазина. Несомненно, приятно провести всю жизнь на одном и том же месте. То, что я счел бы географической тюрьмой, для других было миром привычных ориентиров, где все знакомо и где чувствуешь себя защищенным. Моя невероятная тяга к бегству часто заставляла меня переезжать (а еще я никогда не снимаю пальто в ресторане). По правде говоря, я не люблю задерживаться в местах, связанных с определенными воспоминаниями; Мадлен же, наоборот, каждый день ступала по следам своего прошлого. Проходя мимо

СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

школы, где когда-то учились ее дочери, она, возможно, вспоминала, как они бежали ей навстречу и бросались на шею с криком «мама!».

Мы с ней еще недостаточно сблизились, но разговаривали уже вполне свободно. По-моему, через несколько минут мы оба забыли, что встретились случайно. Это подтверждает очевидную истину: каждый человек любит говорить о себе, каждый — творец собственного романа. Я чувствовал: Мадлен вся зажглась оттого, что может представлять интерес для других. С чего начать? Я не хотел мешать ей выстраивать воспоминания. Она спросила:

— Мне рассказать о детстве?

— Если хотите. Но это не обязательно. Можно начать с чего-нибудь другого.

— ...

Она как будто растерялась. Наверно, вести ее по закоулкам прошлого придется мне. Но только я открыл рот, как она повернулась к фотографии на стене.

— Лучше поговорим о Рене, моем муже. Он давно умер, но ему будет приятно, что мы начнем с него.

— Ах так... ну хорошо, — ответил я, мысленно отметив, что мне придется удовлетворить не только живых читателей, но и мертвых.

6

Мадлен вздохнула глубоко, как ныряльщица, словно ее воспоминания прятались глубоко под водой. И начала рассказывать. Они с Рене познакомились в конце 60-х годов на балу пожарных 14 июля. Им с подружкой хотелось найти себе партнеров-красавчиков. Но к Мадлен подошел какой-то тщедушный тип. И сразу же растрогал ее — она почувствовала, что этот человек не привык общаться с незнакомцами. Так оно и оказалось. Но должно быть, в тот момент он испытал в теле или в душе что-то необычное и потому решился.

Позже Рене рассказал ей, чем был вызван его порыв. Будто бы она очень походила на актрису Мишель Альфа. Тогда Мадлен ее не знала (как и я). Правда, после войны Мадлен нечасто ходила в кино. В конце концов она увидела фотографию Мишель Альфа в каком-то журнале и удивилась: сходства между ними почти не было, разве что совсем слабое. Но Рене Мадлен казалась почти двойником этой малоизвестной актрисы. Его эмоции были связаны с прошлым, с неким страшным эпизодом военного детства. Мать Рене участвовала в Сопротивлении. Бу-

дучи на подозрении у полиции, она прятала маленького сына в кино¹. Рене было очень страшно, и он старался отвлечься, вглядываясь в лица актеров на экране. Мишель Альфа словно бы стала его могучей защитницей и утешительницей. Прошло больше двадцати лет, и он увидел нечто подобное во взгляде женщины, встреченной на балу пожарных. Мадлен спросила его, как назывался фильм. «Приключение на углу улицы», — ответил Рене. Я поразился — чем не намек на мой план?

Мадлен было тогда тридцать три года. Все ее подруги давно обзавелись семьями. Мадлен решила, что, пожалуй, пора и ей устроить свою судьбу по примеру других благовоспитанных девиц. Она уточнила, что неслучайно употребила эти слова: несколько лет назад в свет вышли «Воспоминания благовоспитанной девицы» Симоны де Бовуар. Мадлен глубоко уважала мужа, но все-таки решила сказать мне правду: в момент замужества она слушалась скорее голоса разума, чем голоса страсти. Так приятно, когда тебя любит надежный и уверенный в своих чувствах человек; так приятно, что можно позабыть о собственных чувствах. Со временем нежность и чуткость Рене победили. Никаких сомнений: Мадлен любила его. Но никогда не пылала рядом с ним испепеляющим огнем первой любви.

¹ Режиссер Клод Лелюш часто рассказывал, что во время немецкой оккупации мать иногда на целый день оставляла его в кинозале и таким образом родилось его призвание.

*

Мадлен на минуту замолчала, видимо никак не решаясь упомянуть историю, заставившую ее страдать. Некоторые раны никогда не заживают, подумал я. Конечно, меня очень заинтересовал намек на некую — возможно, трагическую — страсть. Разумеется, стоило бы пойти по этому следу. Но Мадлен проявила ко мне такое доверие, что я не хотел ее подгонять и выспрашивать о том, о чем она упомянула только вскользь. Она вернется к этому позже. Сейчас я еще не могу говорить о подробностях, которые узнаю лишь спустя несколько дней, но сразу сообщаю, что эта история, связанная со многими треволениями, займет в рассказе самое важное место.

*

А пока что вернемся к Рене. На балу они договорились о следующей встрече. Через несколько месяцев поженились, а еще через несколько лет стали родителями. Стефани родилась в 1974 году, Валери — в 1975-м. В то время мало кто из женщин впервые рожал ближе к сорока. Мадлен откладывала беременность из-за работы. И хоть и любила дочек, страдала от того, что ей плохо удавалось совмещать материнство и карьеру. По ее мнению, мужчины поступали с женщинами несправедливо. «Муж работал все больше и больше. Я часто оставалась с малышками одна...» — сказала она с от-

тенком горечи. Но какой смысл упрекать покойника?

Рене, скорее всего, не замечал недовольства жены. Он гордился своими достижениями в Управлении парижского транспорта. Начав машинистом метро, он завершил карьеру на одной из самых ответственных руководящих должностей. Сослуживцы были для Рене второй семьей, так что выход на пенсию обрушился на него подобно ножу гильотины. Муж Мадлен совершенно растерялся. «Не вынес безделья». Мадлен повторила эти слова три раза, со все большей нежностью. Со смерти Рене прошло двадцать лет, но наш разговор всколыхнул прежние эмоции, и прошлое будто предстало в новом свете. Рене чувствовал себя как воин, лишенный возможности сражаться. Жена предлагала ему начать учиться чему-нибудь новому или заняться благотворительностью, но он все отвергал. Что греха таить, он был глубоко подавлен тем, что прежние коллеги постепенно от него отошли. Он понял, что отношения с ними были поверхностными, и все для него потеряло смысл.

На фоне морального истощения у Рене обнаружился рак прямой кишки; его неопределенное состояние словно бы обзавелось окончательным диагнозом. Примерно через год после выхода на пенсию он умер. На похороны пришло много бывших сослуживцев. Мадлен смотрела на них, не говоря ни слова. Некоторые произносили короткие речи, восхваляя душевного

и честного человека, но он-то уже не мог оценить эти запоздавшие свидетельства нерушимой дружбы. По мнению Мадлен, все это выглядело жалко, но она так ничего и не сказала, отдавшись воспоминаниям о том, что было у них хорошего и как они жили в мирном согласии. Они столько сделали вместе, пережили вдвоем столько радостей и горя, а вот теперь все кончилось.

Мадлен говорила о Рене так, словно он был еще жив, и почти верилось, что он вот-вот войдет в комнату. По-моему, это лучшее, что может произойти после смерти, — по-прежнему существовать в чьем-то сердце. Я подумал: как можно пережить уход того, кого ты любил всю жизнь? Вы провели вместе сорок или пятьдесят лет, иногда тебе казалось, что этот человек — твое отражение в зеркале, и вдруг это отражение исчезает. Протягиваешь руку и чувствуешь только дуновение воздуха, шарнишь в постели и никого не находишь, произносишь какие-то слова, но они сиротливо повисают в пространстве. Теперь ты живешь не один, а с пустотой.

Фонкинос Д.

Ф 77 Семья как семья : роман / Давид Фонкинос ; пер. с фр. И. Дмоховской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 288 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-20862-9

Как поступает известный писатель, когда у него кризис жанра, подруга ушла, а книги не пишутся, потому что он не знает, о чем писать? Герой романа «Семья как семья» — сам Давид Фонкинос, но может быть, и нет — выходит на улицу и заговаривает с первой встречной — Мадлен Жакет, бывшей портнихой Дома мод Шанель, сотрудницей Карла Лагерфельда. Следующим романом писателя станет биография Мадлен — казалось бы, ужасно обыкновенная (как сказал бы любой издательский директор по маркетингу), — а заодно и биография ее потомков, семьи Мартен: кто же не хочет попасть в книгу?

Семья Мартен — семья как семья, и у нее свои трудности и печали: закат любви, угроза увольнения, скука, выгорание. А у писателя теперь — новая роль: небеспристрастного наблюдателя, провокатора и проводника перемен. Чего-чего, а перемен случится немало — членам семьи Мартен предстоят встречи с теми, кто исчез, но так и не был забыт, новое взаимопонимание, возрождение любви и веры в себя. Что предстоит писателю, который взялся литературно обрабатывать жизнь совершенно реальных людей, — вопрос другой.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ДАВИД ФОНКИНОС
СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Инна Безрукова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Маргарита Ахметова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.02.2022. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,04
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABA-29777-01-R